

УДК 130.2 : 004

Карпенко В. Е.

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

ТЕХНОИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИЯ АНТРОПОСФЕРЫ: ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В статье рассматриваются основные действительные и возможные трансформации глобальной культуры в контексте техноинтеллектуализации антропосферы. Раскрываются условия реализации гуманистического потенциала техноинтеллектуализации, заключающегося в гармоничном расширении возможностей для творческой самореализации отдельного индивида, в результате более активно включающегося в процессуальность культуры. В то же время оптимистичный сценарий будущего техноинтеллектуализирующейся антропосферы не является предопределенным, оставляя простор проявлению свободы воли человека в преодолении, в частности, проблемы избыточности информации; ухудшающего отбора интеллектуальных продуктов; идеологии панинформационизма; деструктивного потенциала компьютерной виртуальной реальности как нового специфического элемента культурной среды; ослабления эмоциональных связей, утраты «эмоциональной культуры» при расширении информационных связей.

Ключевые слова: искусственный интеллект, техноинтеллект, техноинтеллектуализация, культура, человек, антропосфера.

У статті розглядаються основні дійсні та можливі трансформації глобальної культури в контексті техноінтелектуалізації антропосфери. Розкриваються умови реалізації гуманістичного потенціалу техноінтелектуалізації, що полягає в гармонійному розширенні можливостей для творчої самореалізації окремого індивіда, котрий в результаті більш активно включається в процесуальність культури. У той же час оптимістичний сценарій майбутнього антропосфери, що техноінтелектуалізується, не є напередвизначеним, залишаючи простір прояву свободи волі людини в подоланні, зокрема, проблеми надлишковості інформації; погіршуючого відбору інтелектуальних продуктів; ідеології панінформаціонізму; деструктивного потенціалу комп'ютерної віртуальної реальності як нового специфічного елемента культурного середовища; послаблення емоційних зв'язків, втрати «емоційної культури» за розширення інформаційних зв'язків.

Ключові слова: штучний інтелект, техноінтелект, техноінтелектуалізація, культура, людина, антропосфера.

The article examines the main real and possible transformation of global culture in the context of anthroposphere technointellectualization. There are disclosed the terms of implementation of technointellectualization humanistic potential, which consists in the harmonious expansion of opportunities for creative self-realization of an individual, as the result the latter gets involved in culture process more actively. At the same time the optimistic anthroposphere technointellectualization scenario for the future is not predetermined, leaving a space for expression of the free will of man to overcome, in particular, the problem of overwhelming information; the adverse selection of intelligent products; paninformationism ideology; the destructive potential of computer virtual reality as of a new specific element of cultural environment; weakening of the emotional connections, the loss of the «emotional culture» with the expansion of information communications.

Key words: artificial intelligence, technointelligence, technointellectualization, culture, man, anthroposphere.

На рубеже тысячелетий из компьютерных наук (computer science) в широкий междисциплинарный дискурс, в том числе в философско-теоретический, буквально ворвался ряд терминов, таких как предложенный Дж. Маккарти искусственный интеллект, а далее интеллектуальные системы, истинный искусственный интеллект, суперинтеллект, технический интеллект (следует отличать этот термин от термина «технический интеллект» общей психологии), «умные» вещи. Все эти термины в той или иной форме вызваны к жизни приложением метафоры интеллекта к выполнению *техническими* устройствами функций, которые традиционно ассоциируются со сферой интеллектуальной деятельности человека. Соответственно речь идет о результате развития *техники*, высоких *технологий*, метафоре интеллекта *технического*, то есть, одним словом, **техноинтеллекте**. Производная форма последнего термина (техноинтеллектуализация) в широком значении и вынесена в название данной работы. При этом составная часть сложных слов «техно-» в упомянутом значении

встречается в терминах технотроника, техносфера, технодетерминизм, технопессимизм, технофобия, технооптимизм, которые находят применение в рефлексии процессов техноинтеллектуализации.

По мнению современных исследователей техноинтеллект внедряется, изменяет антропосферу во всех основных аспектах. Например, согласно Г. Л. Смоляну компьютерные социальные сети меняют менталитет [16, с. 138]. По В. А. Емелину и А. Ш. Тхостову в результате симбиоза с Интернетом возникает диффузия человеческой идентичности [7, с. 83]. Возможные или действительные изменения идентифицируют понятия (компьютерной) виртуальной реальности (от Дж. З. Ланье до Д. Б. Свириденко), искусственного суперинтеллекта (Н. Бостром), социокультурных измерений информационного общества (Ё. Масуда), общества знаний (П. Ф. Дракер), вопрос Интернета «умных» вещей (распространение автоматизации и роботизации от предприятий на поле повседневного бытия человека) или, в первоначальной форме термина, Интернета вещей (К. Эштон), техноинтеллектогенных изменений в мышлении человека, его телесности (от гиподинамии до автоматизированных искусственных органов), психосоматике (В. С. Лукьянец), eНОМО (А. С. Нариньяни, имеется в виду т. н. «электронный» человек), техноинтеллекта в контексте глобальных проблем человечества и тому подобное.

В то же время вышеупомянутые направления воздействия не являются поводом для исповедования технодетерминизма. Природа человека накладывает определенные рамки на техноинтеллектуализацию. Сам техноинтеллект является продуктом деятельности человека. Свобода воли человека позволяет сознательно вмешиваться в ход техноинтеллектуализации.

Проблематика техноинтеллектуализации антропосферы рассматривается как актуальная философами разных специализаций. Однако если различные исследования техноинтеллектуализации человека, человечества, общества, антропосферы сквозь призму социальной философии, философии техники, философии науки, философии сознания и т. д. представлены достаточно широко, то аспект философии культуры, человека в системе трансформирующейся культуры, остается на периферии рефлексии. Но ведь на основе культуры воспроизводится и творится надприродная сфера бытия человека. Культура пронизывает все без исключения состояния общественной жизни, и нет ни одного общественного феномена, который был бы изолирован от влияния культуры, не нес бы на себе печати ее воздействия [18, с. 342]. При этом проиллюстрированная нами широта и глубина охвата техноинтеллектуализацией мира человека, сложность и интегративная многоаспектность техноинтеллектогенных тенденций в мире человека, не позволяет свести привносимые техноинтеллектом изменения к частным вопросам культурологии. Итак, *актуальной* предстает целостная рефлексия техноинтеллектуализации антропосферы в философско-культурологическом аспекте.

Таким образом, *цель* статьи – определить основные действительные и возможные трансформации глобальной культуры в условиях техноинтеллектуализации антропосферы.

Техноинтеллект как феномен требует гуманизирующего осмысления, чтобы связанный с ним гносеологический и прагматический (как с совокупностью средств решения различных проблем человека, общества, антропосферы) оптимизм не отодвинул в «погоне» за все более мощными и / или массовыми средствами техноинтеллекта самого человека, гуманистическую культуру на второй план. То есть, техноинтеллект – это метафорическое понятие, которое выражает требующий гуманизирующего осмысления феномен возможности свободно программируемых артефактов в разной степени воспроизводить функции интеллекта человека.

Соответственно термином «техноинтеллектуализация антропосферы» обозначим требующую гуманизирующего осмысления совокупность процессов как формального, так и содержательного прямого и опосредованного преобразования средствами техноинтеллекта в глобальных масштабах жизнедеятельности человека, всех сфер общества и культуры включая технический (в широком смысле) аспект социокультурного бытия и углубляющуюся экспансию человека в естественную природу. Разумеется, имеются в виду как современные, так и возможные в будущем последствия имплементации достижений в области техноинтеллекта. Техноинтеллектуализацию культуры будем определять, контекстуально используя предыдущую дефиницию, как требующую гуманизирующего осмысления совокупность процессов как формального, так и содержательного прямого и опосредованного

преобразования средствами техноинтеллекта в глобальных масштабах конституирующих ее культурных программ, преобразования всех сфер культуры.

Первым фундаментальным понятием используемым для осмысления техноинтеллектогенных социокультурных трансформаций в дескриптивно-прогностическом аспекте стало понятие информационного общества. В целом современное понятие информационного общества предстает в качестве характеристики техноинтеллектуализирующегося общества как «новой формы общественного существования» [25, с. 23], где основную конструктивную роль играют массовые генерация, хранение, передача компьютерно-сетевой информации. А наиболее продвинутой стадией развития информационного общества будет «общество создания качественного массового знания», где компьютеризация сделает возможным для каждого «создавать знания» (*очевидно, в той или иной степени потенциально социокультурно востребованное.* – В. К.) и таким образом осуществлять самореализацию [26, с. 33] (в том числе публичное распространение результатов культурного творчества).

То есть в контексте цели нашего исследования по сути поднимается вопрос о повышении потенциальной роли среднестатистической личности в изменении, творении и распространении (позитивно оцениваемых ею) конструктивных культурных программ, существующих в разнообразных формах, в том числе в форме норм, образцов, навыков, идей, идеалов, верований, ценностных ориентаций, целей. Данная трансформация может осуществляться на основе привнесенных средствами техноинтеллекта изменений в технологический аспект выражения культурных смыслов в новых продуктах творчества, их (продуктов культурного творчества) хранения и распространения; изменений в процессе культурного кодирования информации (состав и функционирование семиотических, то есть знаковых, систем); в контексте техноинтеллектуализации происходит творение новых культурных смыслов и значений.

Однако утверждаемая понятием информационного общества конструктивность экспансии компьютерно-сетевой информации с течением времени все более выглядит не констатирующей положение вещей, необходимо присущее информационной социокультурной среде (не естественным следствием информационно-компьютерной революции, прогнозом будущего положения вещей безотносительно свободы воли человека), как это очевидно задумывалось, а попыткой социального проектирования, экспликации желаемого – утверждение которого все больше оказывается под вопросом. Итак, следует показать, почему мы так характеризуем обсуждаемое понятие.

В ходе техноинтеллектуализации человек начал получать желаемую и нежелательную информацию в невиданных доселе объемах. Так, на определенном этапе пользователь начинает понимать, что физически не в состоянии перечитать все загруженные из Интернета книги. Беспрецедентно растет в количестве объем доступных аудио и видео файлов. Возникает проблема отбора качественного интеллектуального продукта: техноинтеллектуализация предоставила человеку гораздо более мощные средства увеличения количества информации, чем способы ее качественного отбора для использования.

Например, доступным является отбор по количеству посетителей Интернет-ресурса, однако репрезентация качества здесь, конечно, может быть искажена такими показателями как, например, сенсационность или умеренность в подаче материала. Наличие рекомендаций экспертов может свидетельствовать не о более высоком качестве, а о целенаправленной рекламной кампании. А такие критерии (например, в поисковой системе Google) как ключевые слова или словосочетания, время публикации или обновления, исключение текстов с определенными словами, страна, язык и т. д. в большей степени настроены на формальную оценку качества текста (ключевые слова могут встретиться и в низкокачественном тексте), а не содержательную.

Итак, в сфере частного творчества, продуктами которого переполнен Интернет, отсутствие соответствующих сложности задачи инструментов отбора ведет в значительной степени к невозможности отыскать лучшие образцы, стимулировать их авторов к дальнейшему творчеству, «общество создания качественного массового знания» на этом уровне не складывается. Тогда обратимся к сфере массовой коммерциализированной культуры, где используется труд профессиональной творческой интеллигенции.

Однако здесь в условиях трудностей с оценкой качества продукта культуры до приобретения права на его использование (например, просмотр фильма) особенно наглядно проявляется как движущая сила ухудшающего отбора стремление фирм наращивать выпуск и,

соответственно, прибыль через расширение ассортимента с опорой на множество заявивших о себе с помощью Интернета творцов-посредственностей, то есть происходит снижение доли качественной интеллектуальной продукции в результате особенностей производственных отношений в этой сфере. Как отмечает А. Б. Долгин, в цифровых сегментах, где стоимость копирования мизерная, этот мотив особенно сильный; а экспертные фильтры стремительно зашлаковываются и значимые вещи просто теряются из виду (*проще опубликовать ряд авторов небольшими тиражами, чем отыскать, разрекламировать и оплатить одного достойного высоких тиражей.* – В. К.). Концентрация качественных продуктов культуры снижается настолько, что они перестают играть заметную роль. «Отсюда проблема навигации потребителя в культуре. По сути, несоответствие экспертных технологий и их мощностей конвейерному производству становится главной интригой современной культурной практики» [5, с. 118-119].

Сложно переоценить влияние теоретического знания, науки, техно-науки на современную культуру в целом, не говоря уже о том, что сама наука выступает как составляющая культуры. Однако и здесь идеи информационного общества оказываются под вопросом, связь науки с общественной практикой в техноинтеллектуализированном обществе часто носит искаженный характер, что было названо (имплицитной) «феодализацией» практики познания. В условиях сверхбыстрой эволюции техноинтеллектуализирующегося общества возникает общественный заказ на (относительно) оперативные рекомендации от науки касательно практических действий, между прочим и по решению не только социокультурных, антропологических, но и социоприродных проблем. На этом фоне, при тесной взаимосвязи техно-науки и повседневной экономической, социальной, политической практики, тем не менее, как это ни парадоксально, в современном обществе создается особый вид автономии политики и экономики от науки.

У. Бек, эксплицируя феодализацию практики познания, отмечает, что данный вид автономии создан наукой, она возникает в изобилии науки, которое одновременно отодвинуло собственные притязания в область гипотетического и предстает как саморелятивирующийся плюрализм интерпретаций. «<...> Это связано с избыточной сложностью и многообразием данных, которые если и не противоречат друг другу открыто, то и не дополняют друг друга, утверждая большей частью различное, часто несопоставимое, а тем самым прямо-таки *принуждают* практика вынести собственное решение о познании. Все эти “да, но”, “с одной стороны и с другой стороны”, в которых с необходимостью двигается наука гипотез, открывают, в свою очередь, возможности выбора в сфере дефиниции познания. Поток данных, их противоречивость и сверхспециализация превращают рецепцию в *партиципацию*» [2, с. 255]. Таким образом, феодализация практики познания в ее социокультурных измерениях превратилась в органичную часть современного техноинтеллектуализирующегося общества.

А на уровне личности затрудняется процесс генерации нового отрефлексированного знания, который требует паузы (в бесконечном потоке все новых информационных раздражителей) для сосредоточения интеллектуальных усилий на достигнутом. Это тоже важный фактор ухудшающего отбора в обществе, поскольку затрудняется появление качественного интеллектуального продукта. Одновременно с этим человек может акцентированно ощущать непродуманность им, ненадежность получаемых массивов информации, что ведет к гиперкритичности, постепенному формированию ценностной ориентации почти тотального недоверия ко всем источникам информации.

Дальнейшее игнорирование побочных эффектов информационной экспансии подводит даже к постановке вопроса о формировании некоторой идеологии паниинформационизма (название условное) на основе понятия информационного общества, по аналогии с формированием таких идеологий как, например, экологизм. По сути, паниинформационизм в виде совокупности контекстуализированных формулировок утверждает, что продуцируемая и / или распространяемая с помощью средств техноинтеллекта информация является ведущим фактором конструктивных изменений в современном обществе, одновременно пытаюсь обходить вниманием деструктивные процессы. Формирование идеологии «паниинформационизма» на основе концепции информационного общества находит выражение в общественной практике в имплицитной стратегии преимущества экстенсивной компьютеризации общественных процессов над интенсивной. Из широкого общественного контекста идеология паниинформационизма возвращается в науку в виде поощрения тех ученых, которые активно поддерживают ее постулаты.

Отметим, что вопросы легитимации власти и подчинения в контексте техники рассматриваются уже некоторое время. Как отмечено у Г. Маркузе, «поскольку трансформация природы включает в себя трансформацию человека и поскольку “созданное человеком” выходит из недр общественного организма и вновь возвращается в него, технологическое а priori является политическим а priori» [11, с. 202], то есть то, что может быть изначально определено как технологическое, так же может считаться и политическим. А словами Юргена Хабермаса, «<...> подлинный мотив, поддержание объективно устаревшего господства, скрывается посредством обращения к техническому императиву. И это обращение возможно лишь потому, что рациональность науки и техники имманентно уже является рациональностью распоряжения, рациональностью господства» [20, с. 56]. В случае информатизации идеология определяет «лучшее будущее» общества и человека, техно-науки как социального института и вида познавательной деятельности, которое – будущее – будто поднимает субъектов господства над повседневностью (в качестве «избранных» катализаторов имплементации «высшего знания»), учитывая как верхи общества вообще, так и наиболее низкие звенья иерархии власти и подчинения в научных коллективах (в этом случае – по отношению к обычным людям) и т. д.

В целом стало ясно, что в случае информационного общества, в полном соответствии с его названием (но не с содержанием понятия), имеем дело не столько со знаниями, как с информацией, которая лишь по мере ее (ре)актуализации человеком может превращаться в знания, но и до того влияет на общество самим фактом своего бытия, экспансии, между прочим влияет и деструктивно. Критическое переосмысление идеи информационного общества наталкивает на нерешенные проблемы, порождаемые экспансией компьютерно-сетевой информации, которые не соответствуют оптимистичным прогнозам ее (идеи) концептуализаторов. В общем можно сказать, что рефлексия техноинтеллектуализации культуры на основе выполняющего дескриптивно-прогностическую функцию понятия информационного общества себя не оправдала. Итак, актуальным становится поиск иного подхода к обсуждаемой проблематике (как используя достижения апологетов понятия информационного общества, так и продвигаясь далее). С учетом этого мы и продолжим анализ роли специализированного техноинтеллекта в трансформации культуры.

Буквально ошеломляющий рост производства и ретрансляции разнообразной доступной информации, который рассматривался как конструктивный фактор, тем не менее, не привел к сравнимо ошеломляющему росту «качественного массового знания» (упомянутый выше термин Ё. Масуды). Это показало важность контекстного исследования знания как специфически человеческого явления, как формы общественной и индивидуальной памяти, свернутой схемы деятельности и общения, результата обозначения, структурирования и осмысления объекта в процессе познания; в отличие от задачи когнитивных наук, философский анализ знания связан прежде всего с пониманием его не как информации о внешней и независимой реальности, но, напротив, как элемента мира человека [8, с. 52], знаний как результата способности человека вносить идеальный порядок и смысл в реальность в процессе познания, создавая тем самым предпосылки ее практической трансформации, знаний как культурной информации, которая функционирует в осознаваемом людьми виде.

При этом следует учитывать: культурная информация может функционировать и в осознаваемом людьми виде, и в неосознаваемом в качестве общественного подсознательного. Изучение знания вовсе не означает отказа от исследования последнего. Осознаваемое и неосознаваемое в культуре образуют сложную систему взаимных переходов, в которой, тем не менее, знание играет важную роль: не только изменяется под давлением подсознательного, но и перевоплощается («опускается») в информационное наполнение подсознательного, изменяя последнее, или наоборот «поднимает», извлекает оттуда нечто в круг знания; знание влияет на получение людьми неосознаваемого (равно как и осознаваемого) жизненного опыта, таким образом тоже, опосредованно, изменяя сферу подсознательного.

Акцентированное изучение знания в контексте техноинтеллектуализации культуры имело отправной точкой то, что, как итог длительного развития, с одной стороны, понятий постиндустриального, информационного общества, концептуализации судьбы человека в нем, а с другой стороны, фрагментарных исследований, начальной стадии осознания, можно даже сказать в некотором роде предчувствия упомянутой выше качественно новой проблематики – в философско-теоретическом дискурсе началось становление нового понятия, которое претендует на роль

основания стратегии разрешения информационного кризиса, понятия общества знаний. В научный оборот понятие общества знаний, которое первоначально определяло тип экономики, где знания играют решающую роль, а их производство превращается в источник развития [6, с. 19-21, 4-47; 12, с. 32], ввел еще в 1969 году П. Ф. Дракер. С тех пор это понятие приобрело более абстрактный характер, выйдя на уровень социально-философских обобщений.

Так, разрабатывая понятие общества знаний Э. Агацци обосновывает важность акцентирования общественной роли гуманитарных наук и изящных искусств, совершенствования личности, обогащения ее внутреннего мира, ментальных, аффективных, творческих способностей. «Аналогично, следует понять, что великие вызовы, перед лицом которых будет стоять мир в предстоящие годы вследствие глобализации, потребуют для своего разрешения гораздо лучшего понимания культурных различий (и связанных с этим исторических, философских, религиозных и социальных знаний), а не только стремления к росту доходов на душу населения, ожидаемому от продвижения политики ИКТ [*информационно-коммуникационных технологий*. – В. К.] в мировом масштабе» [1, с. 17]. То есть, если понятие информационного общества Ё. Масуды используется для дескриптивно-прогностической экспликации развития общества, то понятие общества знаний сформулировано еще и для выполнения прескриптивной функции.

По мере компьютеризации передачи, обработки и хранения информации за соответствующими техноинтеллектуализированными технологиями все больше закрепляется термин информационно-коммуникационные технологии, ранее употреблявшийся безотносительно техноинтеллектуализированности этих технологий. Название информационно-коммуникационные технологии (или ИКТ) возникло не случайно. Оно не только указывает на две основные функции упомянутых технологий (информационная и телекоммуникационная), но и акцентирует на том, что передается информация, а ее превращение в знания – это уже дело конкретных людей, которые эту информацию получают. То есть апологетически истолкованная многими современными исследователями почти как начало и завершение всего, всепроникающая коммуникация, коммуникация без ограничений [см. напр.: 9, с. 21, 35, 52], может быть как минимум просто обменом ненужной информацией, а как максимум процессом подмены основополагающих конструктивных смыслов и способов человеческого бытия на деструктивные (например, пропаганда через Интернет и / или компьютерные игры жестокости, экстремизма).

Следует учитывать также потенциал знания служить фактором социального неравенства. Причем проблема выходит за рамки так называемого «цифрового неравенства» [см. напр.: 24, с. 3], понятия, которое обозначает отсутствие доступа к современным информационно-коммуникационным средствам. Для отдельной личности проблема социального неравенства в контексте общества знаний – это прежде всего проблема доступа к качественному, востребованному высшему образованию (получение которого, конечно, включает использование современных информационно-коммуникационных средств, но не только их). А на уровне больших сообществ сюда следует отнести технологии, которые охраняются под грифами (например, «секретно»), патентное право, различные ноу-хау (секреты производства, по-английски know how – «знать как») и т. п. – в том числе High Hume (по-английски high – высокий, human – человеческий) как высокие социально-гуманитарные технологии, нацеленные на изменение генетического, когнитивно-логического и *социокультурного* кодов человека [22, с. 14]. Таким образом, далеко не все источники информации имеют открытый характер. Важным дополнительным фактором на этом фоне является беспрецедентно быстрое устаревание информации (прежде всего, связанной с высокими технологиями), невозможность своевременного доступа к информации (в контексте ее сверхбыстрого устаревания). Итак, гармоничное становление знаниевой социокультурной среды предполагает стремление не к информации вообще, а отбор в условиях избытка или поиск, (при)обретение в условиях отсутствия в свободном доступе определенного вида значимой для субъекта информации, знания.

Широкий спектр различных основополагающих социальных характеристик не только личности, но и коммерческих предприятий, государств и т. д. зависит от их места в структуре производства, распределения, обмена и потребления знаний. Переориентированность сегментов социального пространства на производство и потребление знаний называют даже общей тенденцией современной стадии цивилизационного развития [13, с. 7]. Как раз средства техноинтеллекта позволили специализации на собственно знаниях, сфере производства, распределения, обмена и потребления знаний занять в антропотехносфере нынешнее место. Более

того, средства техноинтеллекта предоставляют новые возможности смягчения феодализации практики познания, упомянутой нами ранее. Эти возможности пока не используются в полной мере, но некоторые направления на этом пути уже просматриваются. Понятие общества знаний наталкивает здесь на идею о решающем характере фактора свободы воли человека, сознательной – «знающей» – человеческой воли (не единичной, «одинокой», а воплощенной в соответствующих устойчивых культурных программах), в условиях, когда потенциально имеются возможности для разрешения раскрытой в статье проблематики.

К примеру, база данных о криминогенной ситуации сегодня будет с точки зрения компьютера выглядеть в качественном отношении практически так же, как сведения о динамике геологоразведки: это просто определенное количество разных цифр. А использование технологии семантической паутины, ныне активно дорабатываемой и внедряемой, предполагает кодирование не только самих данных по конкретной проблеме, но и их описания, что позволяет компьютеру «воспринимать» информацию в более широком контексте [15, с. 8].

Важным инструментом современных исследований стал Интернет как целое благодаря свойству глобальной компьютерной сети обеспечивать доступ к сотням миллионов пользователей (людей и организаций), удобным автоматическим процедурам сортировки, анализа невиданно больших массивов данных, передачи, хранения данных в планетарных (а в перспективе теоретически и не только) масштабах и т. д.

Широко внедряются компьютерные экспертные системы, которые подразделяются на такие типы [17, с. 13]:

– экспертные системы, рассчитанные на массового пользователя. Например, облегчающие поиск неисправностей в аппаратуре. Применение таких систем позволяет обойтись без высококвалифицированного персонала. «Базу знаний» здесь пользователи могут дополнять и изменять самостоятельно;

– экспертные системы, рассчитанные на более узкий (по сравнению с предыдущими) круг пользователей, базы знаний этих систем содержат «уникальные знания» (*уникальный информационный продукт создается под конкретную сложную проблему* – В. К.), полученные от специалистов-экспертов. Себестоимость таких систем достаточно высока. Это сложные учебные системы, системы медицинской диагностики и т. д.;

– рассчитанные на узкий круг пользователей мощные экспертные системы (экспертные системы противовоздушной обороны, системы управления сложным технологическим оборудованием).

Информационная открытость техноинтеллектуального общества, новые возможности аудио- и видеофиксации, моментального распространения информации обычными людьми препятствуют замалчиванию событий, которые должны быть осмыслены как в дискурсе социально-гуманитарных наук, так и в целом в общественном дискурсе.

Акцент в понятии общества знаний на роли знания предполагает реализацию свободы воли человека в направлении превращения информации в социокультурно значимое знание, вычленения конструктивных знаний (культурных программ) в общем их массиве. Призыв к приданию бытию человека и общества знаниевого характера предполагает возможность такой трансформации. Однако если в области техно-науки как составляющей культуры преодоление негативных последствий феодализации практики познания подкрепляется рядом инструментов, созданных в ходе техноинтеллектуализации, то в других областях превращение упомянутой выше возможности в действительность ставится под вопрос еще одним феноменом, феноменом компьютерной виртуальной реальности.

В узком понимании (компьютерная) виртуальная реальность – термин для обозначения космоса интерактивных феноменов, создаваемого для пользователей различных компьютерных игр [4, с. 167]. Однако на передний план вышла более широкая интерпретация понятия, которую мы и раскроем далее. Интернет тогда осмысливается не просто как гигантская справочная, но как виртуальный мир (или, на более низком уровне обобщения, комплекс виртуальных миров) не только компьютерных игр, но и вообще опосредованного общения. В наше время многие исследователи прогнозируют, что дальше человек будет все больше времени тратить, «пребывая» в так называемых «компьютерных виртуальных мирах».

Виртуальная реальность приходит на смену предметной реальности, вещи превращаются в знаки [9, с. 196], субъективная значимость техноинтеллектогенных способов

культурного кодирования информации растет в сравнении со значимостью ее содержания, средства же передачи сами оказываются, целиком в духе идей Г. М. Маклюэна, «содержанием» [10] (например, ненормально частое подстраивание под соответствующие алгоритмы, принцип «или-или», «да-нет», «1-0» в данном случае обусловленный двоичной системой счисления), мозг человека все сильнее, говоря метафорически, «отрывается» от тела и природы, замыкаясь на Интернет, компьютерные сети вообще [9, с. 196]. А вырваться из последних не может, и не только потому что постоянное использование компьютерных сетей предлагает комфорт (в ряде случаев компьютеры поглощают не менее, а то и больше времени, чем сохраняют), не только из-за развлечений (с приходом компьютеризации отошел в прошлое ряд «устаревших», «предметных» развлечений, компьютеризация заняла их место), но и из-за конформизма, стереотипа мышления, который все больше укореняется в ментальности, по сути новой культурной программы: «выполнять с помощью компьютера – норма». Отсюда же тяготеем к – выполнять без помощи компьютера ненормально, следует абсолютно все как можно скорее перевести на «компьютерные рельсы». В предельном виде эта точка зрения смыкается с фантастикой – ставится задача достижения «кибернетического бессмертия» [21, с. 71].

Интернет и подобные способы коммуникации расширяют информационные связи между людьми, но ослабляют эмоциональные. Развитие компьютерной графики ставит вопрос создания фото и видео образов искусственных, *виртуальных* эстрадных деятелей, актеров и т. д., которых обычный человек не сможет отличить от «живых». А в Японии, например, уже в конце XX в. начал работать диктор-робот (не графическое произведение, а носитель техноинтеллекта), замаскированный под человека. Где открыто, а где якобы и не тайно, но не акцентируя это, происходит подмена людей искусственными образами – роботами, компьютерной графикой. Техноинтеллектогенное отчуждение на основе виртуальной реальности.

Таким образом, учитывая перечисленные проблемы становится очевидным, что знания (имеем в виду знания как конструктивный фактор) для обычного человека, который вступает ныне в тесные «отношения» с носителями техноинтеллекта, не выступают на первый план. Человек может усваивать определенные знания, но существует тенденция к преимущественному усвоению знаний в контексте виртуальной реальности, знаний сквозь призму виртуальной реальности, знаний в отрыве от «обычной» реальности, отдается предпочтение знаниям об определенных объектах виртуального мира перед объектами мира реального. В общем феномен компьютерной виртуальной реальности можно определить как глобальный социокультурный фактор, который, пользуясь словами Е. Е. Таратуты [19, с. 120-121], конституируется в большей степени в противопоставлении так называемой «основной реальности».

Однако на фоне угрозы нарастающего ухода людей в компьютерную виртуальность из реального мира, в начале XXI в. возник и другой взгляд на тенденции техноинтеллектуализации как на фактор преобразования человека, общества и культуры. Считают, что сама реальная жизнь превратится для человека в аналог Интернета. Все часто используемые человеком предметы получают информационную связь (особо акцентируется беспроводная) между собой как отдельные массивы информации в современной компьютерной сети. Этот феномен характеризуют как Интернет вещей или Интернет «умных» (метафора) вещей. Миниатюрные компьютеры или электронные метки встраиваются и будут все шире встраиваться в системы отопления, освещения, запирающих дверей, бытовые электроприборы, мебель, книги, одежду и т. д. Эти микросхемы станут «страницами» новой Всемирной сети – Интернета «умных» вещей.

К. Эштон отмечает: «Сегодня компьютеры – и, соответственно, Интернет – почти полностью зависят от человека в получении информации. Почти все <...> [данные. – В. К.] доступные в Интернете были сначала <...> созданы людьми – набором на клавиатуре, нажатием кнопки “запись”, цифровой фотосъемкой или сканированием штрих-кода» [23]. Но люди обладают ограниченным временем, неустойчивым вниманием и несовершенной точностью. А в ходе формирования Интернета «умных» вещей техноинтеллектуальные артефакты начнут без текущих команд человека собирать информацию из внешнего по отношению к ним мира, обмениваться ею, делать выводы, апеллировать к нам. На основе в таком смысле

самостоятельно собранной информации они будут опережать наши желания, а не ждать отдачи нами команд. Предлагается, чтобы техноинтеллект беспокоился о быте во всех деталях (и даже не только быте), а мы сами заботились лишь о «великом», глобальном, вечном. Типичным является тезис А. Волкова: «Если виртуальная реальность заменяет некоторым из нас саму жизнь, то “Интернет вещей” весь обращен к жизни – он призван преодолеть пропасть <...> Мир виртуальной реальности соединится наконец с реальным, окружающим нас миром» [3].

С учетом приведенной экспликации концепции Интернета «умных» вещей, возникает вопрос: насколько такой сценарий не является утопией? Не окажется ли, что «беспокоясь о быте» техноинтеллект не так соединит «мир виртуальной реальности» с «реальным, окружающим нас миром», как вмещается (не в первый раз) в систему взаимосвязей между обычным человеком и реальностью как «слон в посудную лавку»? Еще Х. Ортега-и-Гассет (1883-1955 гг.) отмечал, что уже не орудие служит человеку, а наоборот: человек – придаток машины. Современный завод – это абсолютно самостоятельное, искусственное образование, которому только время от времени помогают функционировать несколько человек, роль которых – самая скромная [14, с. 224]. Ныне же техника выходит далеко за указанные философом пределы.

Ответ на этот вопрос усматриваем в экспликации понятия общества знаний. Она приводит к *выводу* о том, что мы должны не бессмысленно наращивать компьютеризацию, а следить за пропорциональным относительно общего усиления роли информационных потоков возрастанием роли знаний в воспроизводстве и творении надприродной сферы человеческого бытия. Итак, если экспликация понятия Интернета «умных» вещей обобщенно дает нам ответ, каким образом совместить компьютерную виртуальность с реальностью, то экспликация понятия общества знаний указывает на то, какую роль должны играть знания как совокупность устойчивых глобальных конструктивных культурных программ в симбиозе виртуальной реальности и «основной» (Е. Е. Таратута) реальности. Тогда гуманистическое измерение техноинтеллектуализации проявится в гармоничном расширении возможностей для творческой самореализации отдельного индивида, в результате более активно включающегося в процессуальность культуры.

В то же время оптимистичный сценарий будущего техноинтеллектуализирующейся антропосферы не является предопределенным не только с точки зрения ряда раскрытых в статье техноинтеллектогенных социокультурных трансформаций (избыточность информации; ухудшающий отбор интеллектуальных продуктов; формирование идеологии панинформационизма; становление компьютерной виртуальной реальности как нового специфического элемента культурной среды; ослабление эмоциональных связей, утрата «эмоциональной культуры» при расширении информационных связей и т. п.), но и шире, с точки зрения понятия глобальных проблем человечества в целом. В этом контексте как никогда актуальной является комплексная стратегия коррекции деструктивных техноинтеллектогенных социокультурных трансформаций (практическая имплементация которой должна стать важным направлением развития антропосферы), использующая возможности, предоставляемые фактором свободы воли человека, сознательной человеческой воли, и воплощенная в коллективной деятельности на основе глобальных культурных программ. При этом формирование конкретных программ теоретического знания предполагает учет объективных границ возможностей реализации вышеупомянутой стратегии, задаваемых такими условиями человеческой деятельности как, к примеру, наличный уровень материально-технического развития общества и др., что позволяет избежать абсолютизации значения фактора культуры, понимаемой в качестве соответствующей системы программ человеческой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях / Эвандро Агацци ; [пер. с англ.] // Вопросы философии. – 2012. – № 10. – С. 3-19.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Ульрих Бек; [пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой]. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
3. Волков А. Новая всемирная сеть – «Интернет вещей» : [электронный ресурс] / Александр Волков. – Россия : Fornit, 2008. – Режим доступа : <http://www.scorcher.ru/journal/art/art352.php>.

4. Грицанов А. А. Виртуальная реальность / А. А. Грицанов, И. Д. Карпенко // Всемирная энциклопедия : Философия. – М. : АСТ; Мн. : Харвест, Совр. литератор, 2001. – С. 167-168.
5. Долгин А. Б. Экономика символического обмена / А. Б. Долгин. – М. : Инфра-М, 2006. – 632 с.
6. Дракер П. От капитализма к обществу знания : [электронный ресурс] / Питер Фердинанд Дракер; [пер. с англ.] // iFuture. – М. : UCOZ, 2015. – С. 19-47. – Режим доступа : <http://ifuture.narod.ru/001/drucker001.htm>.
7. Емелин В. А. Вавилонская сеть: эрозия истинности и диффузия идентичности в пространстве интернета / В. А. Емелин, А. Ш. Тхостов / Вопросы философии. – 2013. – № 1. – С. 74-84.
8. Касавин И. Т. Знание / И. Т. Касавин // Новая философская энциклопедия. – М., 2010. – Т. 2. – С. 51-52.
9. Кутырёв В. А. Время Mortido / Владимир Александрович Кутырёв. – СПб. : Алетейя, 2012. – 336 с. – (Тела мысли).
10. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Герберт Маршалл Маклюэн; [пер. с англ. В. Николаева]. – М. ; Жуковский : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. – 464 с. – (Приложение к серии «Публикации Центра Фундаментальной Социологии»).
11. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества / Герберт Маркузе; [пер. с англ. А. Юдина]. – М. : REFL-book, 1994. – 368 с.
12. Наумкина Е. А. От информационного общества к обществу знаний: образовательный аспект / Елена Анатольевна Наумкина // Філософські науки. – Суми : СумДПУ ім. А. С. Макаренка, 2009. – С. 30-37.
13. Орлов М. И. Общество знаний как новая парадигма цивилизационного развития : [автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филос. наук : спец. 09.00.11 «Социальная философия»] / Михаил Игоревич Орлов. – Саратов, 2011. – 19 с.
14. Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике : [электронный ресурс] / Хосе Ортега-и-Гассет; [пер. с испанского]. – М., 2000. – 232 с. – Режим доступа : http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/gas_raz/index.php.
15. Проект «Живой симулятор Земли» // Открытия и гипотезы. – 2011. – № 2. – С. 8.
16. Смолян Г. Л. Рефлективное управление в лабиринтах киберпространства / Георгий Львович Смолян // Человек. – 2012. – № 1. – С. 138-144.
17. Степаненко А. С. Социокультурные и технологические предпосылки искусственного интеллекта : [дис. ... доктора филос. наук : 09.00.08] / Алексей Сергеевич Степаненко. – Ростов-на-Дону, 2007. – 203 с.
18. Степин В. С. Культура / Вячеслав Семенович Степин // Новая философская энциклопедия. – М., 2010. – Т. 2. – С. 341-347.
19. Таратута Е. Е. Философия виртуальной реальности / Екатерина Евгеньевна Таратута. – СПб. : СПбГУ, 2007. – 147 с.
20. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» / Юрген Хабермас; [пер. с нем. М. Л. Хорькова]. – М. : Практика, 2007. – 208 с.
21. Чаплигін О. К. Трансгуманізм у сучасному людинознавстві : перспективи і виклики / О. К. Чаплигін, О. Є. Сук // Філософія в сучасному світі : [матеріали міського міжвузівського науково-практичного семінару, 20-21 листопада 2015 року]. – Харків: Точка, 2015. – С. 69-72.
22. Чешко В. Ф. High-Hume технологии. Статья вторая. «Ошибка» Рене Декарта / Валентин Федорович Чешко // UNIVERSITATES. Наука и просвещение. – 2009. – № 3. – С. 4-18.
23. Ashton K. That «Internet of Things» Thing : [electronic resources] / Kevin Ashton. – RFID Journal. – June 22, 2009. – Access mode : <http://www.rfidjournal.com/articles/view?4986>.
24. DiMaggio P. From the «Digital Divide» to «Digital Inequality»: Studying Internet Use as Penetration Increases : [electronic resources] / Paul DiMaggio, Eszter Hargittai. – Princeton : Princeton University, 2001. – 25 p. – Access mode : <http://www.princeton.edu/~artspol/workpap/WP15%20-%20DiMaggio%2B Hargittai.pdf>.
25. Karvalics L. Z. Information Society – what is it exactly? (The meaning, history and conceptual framework of an expression) / Laszlo Z. Karvalics. – Budapest : NETIS, 2007. – 26 p.
26. Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society / Yoneji Masuda. – Washington, D.C. : World Future Society, 1981. – XIV, 180 p.